

РЕАЛИТИ-ПЕДАГОГИКА: специальный курс

Евгений Александрович Ямбург,
директор Центра образования № 109 г. Москвы,
член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук

Автор, полемизируя с самим собой (собеседником неудобным, ироничным, трудным), пытается разобраться в нравственных проблемах, с которыми он ежедневно сталкивается в школьной практике.

- летние экспедиции • универсальное сознание • социальное напряжение
- вера в жизнь

Экспедиции

— Почему ты так странно смотришь в окно? На твоём лице одновременно читаются радость и огромное облегчение.

— Вспоминаю, как в начале учебного года возвращались наши летние экспедиции. Окрепшие загорелые ребята разгружали своё снаряжение. В шлюпках на вёслах и под парусами вот уже двадцать лет наши ребята ходят (морской термин: не плавают, а ходят) по Волге. Изучают экологию, географию, этнографию великой реки. Записывают интервью старожилов, переживших все катаклизмы прошлого века, берут пробы воды, определяя степень её загрязнения, устанавливают деревянные кресты, изготовленные в нашей школе ремёсел, на месте разрушенных церквей.

— Отличная живая школа жизни, прямой путь формирования универсального сознания, где есть место всему: истории, экологии, а главное — состраданию и чувству ответственности за судьбы людей и страны. Ещё один образец не омрачённой злобой (в прямом и переносном смысле слова) дня педагогики.

— Не спеши. Как раз злобы на просторах отечества нашего накопилось достаточно.

— Ты опять об окрестностях?

— А куда, по-твоему, мы выводим детей с благородными целями? Не в виртуальное же пространство. Сказать честно, пока не завершится летний экспедиционный сезон, а дети не вернуться в школу, у меня поджилки трясутся. Сейчас, когда все здесь, в классах, спокойнее.

— Но ты сам — старый экспедиционный волк, прошедший археологические экспедиции, в прежние годы водивший в походы сотни детей.

— Потому и тряусь, что слишком хорошо знаю, какие неожиданности подстерегают педагогов на этой опасной стезе. Вспоминаю один из своих первых походов всего-навсего в ближнее Подмосковье. Пятьдесят старшеклассников, из руководителей — я двадцати одного году отроду и две девушки-пионервожатые. Пришли на место, разбили лагерь, и тут, как водится, пожаловали местные.

— Какие «местные»? Тогда ещё не существовала эта патриотическая молодёжная организация, клон «Наших».

— Организации не было, но местные существовали всегда. Они пришли знакомиться с нашими девочками, для уверенности прихватив с собой ножи. При их появлении в лагере, в свою очередь, мои старшеклассники вооружились туристическими топориками. Ни телефона, ни милиции поблизости. Что тут делать? Выручил экспедиционный опыт. Интуитивно определив вожака стаи, обращаюсь к нему: «Командир, что надо?» (аналог теперешнего «Какие проблемы?») «Мы, того, здесь главные. Наше место!»

За спиной тяжело дышат старшеклассники, готовые в любой момент с топорами наперевес броситься на помощь своему руководителю. Вожак, судя по всему, не исключая такого развития событий, взвешивает соотношение сил и вооружений. Моя задача — любой ценой предотвратить кровавое побоище. Наклоняюсь к рюкзаку, медленно развязываю его, достаю две литровые бутылки спирта. «Ну, как, замётано?» «Ладно, отец, пошли побазарим».

Маленькая победа: он — командир, поскольку это его территория. Я — отец, старше его по возрасту, думаю, что всего

лет на шесть, но несбритая после летней археологической экспедиции борода придаёт мне солидности. Выходит, не зря я отстаивал своё право её носить, отбиваясь от требований директрисы привести себя в надлежащий учителю вид. Вот она и пригодилась.

Он — командир, я — отец: равенство восстановлено, остаётся скрепить его спиртом. Девушки-вожатые, мгновенно оценив свою роль в миротворческой миссии, быстро пакуют нам с собой пакет с бутербродами и парой кружек, из которых предстоит пить по очереди. Пластиковых стаканчиков тогда не было, но это даже хорошо: старинный обычай — пускать кружку по кругу — сближает высокие договаривающиеся стороны. Увожу стаю как можно дальше в лес. Махнув по первой, меняю форму обращения и продолжаем разговор, как брат с братом. Они же тоже люди, испытывающие дефицит общения. Меж собой всё давно переговорено, а тут новый бородатый персонаж из Москвы — интересно. Травлю экспедиционные байки. К пяти часам утра, шатаюсь, добредаю до лагеря. Никто не спит. Молча заползаю в свою палатку. Управление турслётом на день переходит к вожатым. На самом деле управлять никем не приходится: ребята всё делают сами. Моральное удовлетворение в том, что удалось избежать поножовщины и ещё одно, возможно, не менее важное обстоятельство: никто из старшеклассников по возвращении в школу не «настучал» на своего руководителя — ни директору, ни родителям. Все, как один, хранили молчание о моём грехопадении.

— Но у тебя не было другого выхода.

— Кого это интересует? Случись проверка, представляешь, какую удручающую картину зафиксировали бы проверяющие: пьяный в дым педагог, бросивший на произвол судьбы доверенных ему государством подростков. Иди

потом объясняйся. Реакция известна: немедленное увольнение по статье без права заниматься в дальнейшем педагогической деятельностью. Беседовали бы мы тогда с тобой сегодня? То-то же.

— Круто.

— Что круто?

— Всё в этой истории: от начала до конца. Как выражаются современные подростки, «жесть»! Послушай, но ведь это целая наука — выстраивать отношения с людьми, чью психологию иначе, чем пещерной не назовёшь. Командир — отец — брат. Я уже не говорю о языке общения. Откуда такие психологически точные ходы?

— Не из лекций по педагогике, прочитанных в пединституте.

— Ах, да, я забыл: «дворянство, растворённое в крови», дворянство от слова «двор». Что же касается вузовского преподавания, я бы вводил специальные курсы реалити-педагогике, где обучал бы будущих учителей способам взаимодействия с аборигенами отечества нашего.

— Ну да, и включил бы в них освоение ненормативной лексики, воровского жаргона. Центральная тема обучения: жизнь по понятиям. Практический курс, обучающий тому, как перепить шпану и сохранить контроль над собой.

— Не иронизируй. Наверняка в учебных заведениях, где готовят работников спецслужб, такие занятия проводятся. Каковы окрестности — такова и педагогика. Хотя, конечно, по истечении времени описанная ситуация выглядит комично. Она напоминает кульминационную сцену из фильма «В августе сорок четвёртого». Наклонился, развязал рюкзак и т.д.

— И завершается сценой из фильма «Судьба человека», когда, продемонстрировав силу духа советского человека, выпивая на глазах врагов без закуски, Андрей Соколов, труженик и воин, на дрожащих ногах возвращается в барак.

Реалии сегодняшнего дня

— Шутки в сторону. Описанная тобой ситуация относится к семидесятым годам прошлого века. А что сейчас?

— Стало ещё хуже. Любопытные социально-психологические наблюдения привозят руководители наших экспедиций. В русских, татарских, башкирских, мордовских деревнях московских школьников встречают, как родных. Достают из бабушкиных сундуков старинную одежду, исполняют народные песни, охотно дают интервью пытливым детям. Но стоит приблизиться к посёлку городского типа — пиши пропало. Та же картина, что в семидесятые годы, но ещё более ожесточённая.

— Отчего так?

— На фоне общего падения уровня жизни и обострения социальных проблем местные власти стремятся направить нарастающее социальное напряжение в нужное им русло. Способ древний, как мир: назвать врага — например, объявить борьбу с миграцией. Появляется движение «Местные», которое наводит порядок на рынках известными способами. Местные — не местные, наши — не наши. Ничего нового мы не узнаем, опираясь на пещерные инстинкты, а власти осуществляют принцип: разделяй и властвуй. Тем временем горючий материал накапливается. За неимением врага с ярко выраженными этническими признаками в посёлках с маргинальным населением роль гастарбайтеров выполняют московские школьники, преимущественно русские, но не местные. Не забудь при этом известную болезнь — центрофобию. Ненависть к шикующей Москве на фоне бедствующей провинции, соответственно и к её «заевшимся» жителям. Особенно резко такое отношение чувствуют к себе

московские юноши, попадающие в армию. А если парень, призванный на службу, имеет интеллигентное лицо, включается механизм классовой ненависти.

— Но, насколько я понимаю, несмотря на возрастающие риски, школьные экспедиции продолжают. Универсальным оружием необходимой самообороны по-прежнему служит неразбавленный спирт?

— Ну, зачем же так примитивно мыслить. Все, как в театре, решает неожиданность хода. Бородатый (!) начальник нашей экспедиции, абсолютно не пьющий человек, Владимир Анатольевич Музалев недавно поведал мне забавную историю.

Ситуация, схожая с моей, но выход найден, на мой взгляд, блестящий. Шлюпочный поход. Выбрали место, пришвартовались, разбили лагерь. К вечеру на мотоциклах подъехали местные. Мгновенно сориентировавшись, руководитель экспедиции разыграл следующую цирковую репризу: «Как я рад вас видеть, вы появились очень кстати. Мы собираемся проводить дискотеку, а парней у нас меньше, чем девочек. Так что милости просим». Затем отвёл в сторону местного лидера и под большим секретом доверил ему страшную тайну. «Имей в виду на всякий случай, эти малолетки — трудно воспитуемые подростки, у некоторых из них непогашенная судимость, я с ними замучился. Поэтому предупреждаю: во время танцев не оставлять без присмотра вещи: мобильники, плееры, рекомендую присматривать за мотоциклами. Не ровён час, откроют что-нибудь. Ворье на ворье!» «Спасибо, отец(!), я понял; мужики, мотаем дальше. Потом объясню».

Моторы взрели, и местные байкеры, во избежание неприятностей, ретировались из лагеря, где ничего не подозревающие о своих преступных наклонностях школьники продолжили подготовку к дискотеке.

— Хитёр твой руководитель, ничего не скажешь. Но на карте Росси есть более тихие, безопасные, заповедные места, например, Русский север с его островами, дивной природой и величественными монастырями.

— Рассказываю. В прошлом году наша школьная флотилия подошла к такому острову, где расположен монастырь — жемчужина Русского севера. Мгновенно на японском катере нарисовались два батюшки. «Стоянка запрещена, необходимо благословение игумена». «Сколько?» «Двести рублей с человека». Такой вот наглядный урок духовности, преподнесённый детям.

— Лучше бы ты мне этого не говорил.

— Бизнес есть бизнес, ничего личного. Давай переменим тему, но после всего сказанного тебе понятно, почему я каждый раз с облегчением воспринимаю завершение экспедиционного сезона, без которого, тем не менее, не мыслю полноценного воспитания. И сейчас, когда не так давно закончились летние экспедиции, мы начинаем готовиться к следующему экспедиционному сезону.

— Звучит оптимистично.

— Нет, я не оптимист.

— Но ты сам неоднократно заявлял, что пессимист, человек, впавший в уныние, не имеет право вести школьный корабль.

— Я не пессимист.

Сказать жизни «Да!»

— Извини за ассоциацию с названием старого фильма о советском разведчике в Японии, но позволь спросить: кто вы, доктор Ямбург?

— Оптимизм — пессимизм: плоская горизонтальная шкала с условными полюсами, в сторону которых мы произвольно смещаемся в зависимости от неудач или поражений, часто не умея отличить одно от другого. Не зря Л.Н. Толстой как-то обмолвился, что любое унижение возвышает нашу душу, а любое торжество — сокращает.

— Чего-чего, а первого у нас с тобой в избытке.

— Пусть так, но нужно научиться говорить жизни «Да!».

— Именно так — «Сказать жизни «Да!» — называется знаменитая книга психолога В. Франкла. Другое название — «Психолог в концлагере».

— Именно в ней он утверждает, а главное, подтверждает своим примером, что даже в ужасающих условиях нацистских лагерей выживали не самые физически сильные люди, а те, кого не постигла смыслоутрата. Иными словами — те, кто не потерял веру в жизнь.

— Если я правильно понимаю, сказать жизни «да!» способен лишь человек, испытывающий к ней благодарность? «Но пока мне глиной не засыпали рот, раздаваться будет лишь благодарность». И. Бродский не одинок в своём мужественно трезвом восприятии жизни. В последней проповеди о. А. Шмемана читаем: «Тот, кто способен благодарить, достоин спасения и вечной радости». Обрати внимание на то, что Бродский — не воцерковленный человек, а Александр Шмеман, напротив, священник милостью Божьей.

ШКОЛА И ВОСПИТАНИЕ

Но их позиции солидарны. Поверь, в любое даже самое смутное время всегда находятся люди, которые не скользят по поверхности жизни, но умеют удерживать в сознании и, что не менее важно — в сердце её вертикаль.

— Ты можешь назвать хотя бы первый необходимый шаг к обретению такого мировосприятия, или, как ты неоднократно называл, ссылаясь на Н. Бердяева, универсального сознания?

— Прекратить выдумывать себе жизнь и испытывать безотчётный страх каждый раз, когда твои представления перестают соответствовать реальности.

— В общем философском плане я согласен, а как насчёт школы? Хотелось бы конкретизировать эту мысль.

— По поводу школы я приготовил тебе подарок на закуску к нашему разговору. Счастливо сложилось так, что мы время от времени приглашали к нашей беседе великих людей, отмеченных печатью свыше. Мы, похоже, научились чутко прислушиваться к их мнению. Ещё один голос нам не помешает.

Из записных книжек А.П. Чехова:
«Мусульманин для спасения души копает колодезь. Хорошо, если бы каждый из нас оставлял после себя школу, колодезь или что-нибудь вроде, чтобы жизнь не проходила и не уходила в вечность бесследно». **НО**